

ПРОЩАЙ, МАРЧЕЛЛО!

Американцы так и не успели вручить ему «Оскара» за жизнь в кинематографе

Сергей Старцев

Память

У ВХОДА в его парижскую квартиру близ бульвара Сен-Жермен не было написано ни имени, ни фамилии. Лишь одинокая буква М с точкой. Желание скрыться от вездесущих поклонников? Стремление избежать встречи с назойливыми соотечественниками? Может быть. Но, конечно, не только это.

Марчелло Матростройни — эта легенда мирового кино, этот оборотливый красивый красавец, в которого были влюблены, наверное, все женщины Италии — и не только Италии, — в жизни был удивительно скромным и деликатным человеком. Он не стремился стать «звездой», никогда не снимался в рекламных роликах, исключительно редко появлялся на телевидении и неохотно давал интервью. Когда министр культуры Франции Жак Ланг вручал Матростройни орден Почетного легиона, актер, выслушав торжественную речь в свою честь, смущенно, с присущей ему удивительной самоиронией сказал: «Мне кажется, что всего этого я не сделал». И в этом не было никакой позы.

Хорошо помню еще одно награждение знаменитого актера. Жюри международного Венецианского фестиваля отменило Матростройни «Золотым львом» за большой вклад в развитие киноискусства. Чтобы вручить этот приз, на остров Лидо специально приехал Федерико Феллини. Поднявшись на сцену, Матростройни вместо приличествующих случаю слов произнес с надеждой: «Может быть, мы еще что-нибудь придумаем вместе». Марчелло был растроган и сказал, что это предложение, вероятно, даже большая награда, чем сам «Золотой лев».

Вообще Матростройни всегда жил ожиданием новой работы. Была в нем неутолимая жажда новых впечатлений, острое желание увидеть то, чего прежде никогда не видел. В последние годы он особенно много путешествовал по миру, все чаще снимаясь за рубежом. Марчелло переезжал с континента на континент, играл на известных и вовсе не знакомых ему языках, жил и работал в поистине спартанских условиях — вспомнить хотя бы съемки у Анджелики в горах Греции! И частенько получал за свой труд совсем небольшие деньги. «Чтобы тебя не выбросили на обочину в этом возрасте, нужно иметь мужество искать приключения и гулять открытием», — говорил он. — Бывает, меня принимают в роскошных апартаментах, но, честно говоря, я могу согласиться на самую обычную комнату».

Матростройни всегда был окружен легендами и мифами. Согласно одному из них, Марчелло был таким «лентяем», который играет только себя самого, используя дар быть простым и убедительным на съемочной площадке или на сцене. Впрочем, этот миф охотно поддерживал и сам Матростройни. «Я не слишком хороший актер. Делаю, что мне предлагают режиссеры, и только, — сказал он в одном из своих последних интервью. — Мне просто повезло: я снимался у тех, кто твердо знал, что от меня требуется... Идеальным воплощением моего характе-

ра мог бы стать Обломов. В «Разводе по-итальянски», например, я согласился на роль барона Чефале как раз потому, что он похож на Обломова».

Хорош «Обломов», снявшийся в 160 фильмах, не говоря уже о множестве блистательных театральными ролей! И всегда и везде он был разным. Хорошо сказал об этом один из его близких друзей, кинооператор Джузеппе Ротунно, снявший Матростройни в 12 фильмах: «Он был очень глубоким актером, изучал своего героя, доскребая до самого дна. И хотя Марчелло обычно позволял режиссеру руководить собой, в действительности он никогда не был актером-вещью, актером-материалом. И еще он удивительно умел одновременно оставаться Матростройни и тем персонажем, которого играл в данный момент».

«Latin lover» — это еще одна легенда о Матростройни, созданная в основном усилиями американской прессы. Марчелло действительно любил женщин, и они отвечали ему любовью. Старый друг актера, журналист Энцо Бьяджо, написавший о нем книжку под названием «Прекрасная жизнь», подчеркивал: «Матростройни считал необходимым быть в долгу перед всеми женщинами, которые у него были. Он повторял: «Надо давать, давать, потом они сами устанут...» Марчелло полагал, что женщины дали ему очень многое в жизни, и он должен вернуть им все сторицей». Пожалуй, это вовсе не «latin lover», а, скорее, верный рыцарь. Кстати, со своей единственной женой Флорой Карабеллой, подарившей ему первую дочь Барбару, Матростройни никогда и не думал разводиться. Ее дом в Риме он считал своим домом, хотя последние 22 года прожил преимущественно в Париже, не расставаясь с Анной Марией Тато.

«Оскара» Матростройни так и не получил. А вот Грегори Пек, принимая в свое время драгоценную статуэтку, признал: «Я, конечно, очень доволен, но Матростройни лучше меня». Правда, на днях София Лорен, которую Марчелло считал своей лучшей партнершей в кино, поведала, что американцы собирались вручить актеру «Оскара» за карьеру на очередной церемонии в Лос-Анджелесе. Не успели. Хорошо еще, что этот особый приз успел получить Феллини. В 93-м его вручили режиссеру София Лорен и Марчелло Матростройни.

Об отношениях Феллини и Матростройни написано много. «Сладкая жизнь», «Восьмь с половиной», «Город женщины», «Джинджер и Фред» — даже этих четырех картин с лихвой хватило бы для того, чтобы вписать их имена в историю мирового кинематографа. Матростройни был любимым актером Маэстро, недаром ему единственно он, лютый ненавидевший табачный дым, разрешил курить на съемках. Феллини дал Марчелло шутильное прозвище «Снапорац» и предложил ему странную игру — разговаривать на языке комиксов, которые оба они по-детски любили «Баххх!», «Плуффф!», «Донггг!»... Пару раз мне доводилось присутствовать при общении двух этих замечательных мастеров, которые самую серьезную работу запросто превращали в игру. Пожалуй, именно эта уникальная способность и

сблизила их так сильно, что Феллини считал Матростройни своим двойником и продолжением на киноэкране. Впрочем, Марчелло, прошедший школу у самого Висконти, легко мог работать практически с любым режиссером. Де Сика, Лиццани, Скола, Поланский, Олтмен, Деми, Михалков, Руиз — все это, если использовать выражение самого актера, части «длинного фильма, начавшегося еще в 1949 году».

И все-таки Матростройни воспринимается прежде всего как один из главных героев того фантастического, иллюзорного мира, который удалось создать в кино Федерико Феллини. С уходом Марчелло этот мир стал окончательно недоступен для нас, зрителей, и отныне будет существовать только в волшебных лучах кинопроектора. Недаром 19 декабря, когда из Парижа пришла скорбная весть, именно у римского фонтана Треви, где Феллини снял гениальную сцену «Сладкой жизни» с Марчелло и Анитой Экберг, собралось множество людей. «Сегодня умер Матростройни», — сказал, обращаясь к ним, мэтр итальянской столицы Франческо Рутелли. — «Сегодня мы здесь. Сегодня город чтит память римлянина». Затем среди притихшей толпы раздались пронзительные звуки флейты. Это была знаменитая тема Нино Роты из «Восьми с половиной». И сразу же откуда-то сверху на беломраморный фонтан упали три черных траурных полотенца.

В это время Марчелло еще лежал в обычном твидовом костюме в спальне своей парижской квартиры. Рядом с ним были Анна Мария Тато и Катрин Денёв с дочерью Матростройни — Кьярой. Это для Кьяры, у которой в феврале будущего года должен родиться ребенок, Марчелло поставил дома рождественскую елку. Праздники он обязательно хотел отметить вместе с младшей дочерью. «Я хочу умереть в Рождество, когда выпадет снег», — говорил герой Матростройни в спектакле «Последние луны», ставшем артистическим завещанием Мастера. Марчелло не дождался Рождества всего несколько дней.

Работу над «Последними лунами» Матростройни начал, уже зная о том, что у него рак. Само слово «рак» Марчелло старался даже не произносить, а называл его «этой штукой». Вообще он не хотел, чтобы о его болезни было известно, и, когда одна американская газета что-то прорезала и дала соответствующий материал, разгневан был страшно. Тем удивительнее обращение Матростройни к пьесе малоизвестного современного автора, в которой он сыграл смертельно больного человека, одинокого старика, умирающего в финале. И он много раз умирал, умирал на сцене. «Ему было страшно тяжело жить и работать», — свидетельствует Джузеппе Ротунно. — Я видел, как он репетировал куски из «Последних лун». И все-таки это была для него огромная радость, радость от возможности вновь играть».

Спектакль пошел — сначала в Болонье на сцене «Арена дель Соле», а затем и в других городах Италии. Успех был ошеломительный. А Матростройни все волновался, как бы публика не узнала о его болезни. «Однажды вечером, после спектакля, — рассказывает

Энцо Бьяджо, — он спросил меня: «Как ты думаешь, они аплодируют, потому что им нравится? Или они что-нибудь узнали?» В последний раз он вышел на сцену в этой роли в неаполитанском «Театро Диана». Неожиданно Марчелло почувствовал себя очень плохо. Он был вынужден прервать гастроли и срочно вылететь в Париж. Последний месяц жизни артист провел практически не выходя из дома и лишь изредка заглядывая в любимый кафе «Мандарин», где он просматривал итальянские газеты и тайком курил запрещенные врачами сигареты. Из этого дома, где у входа была лишь буква М с точкой, Матростройни и отправился в свой последний путь.

Сначала были похороны в Париже, где скромный гроб светлого дерева аплодисментами встретила двухтысячная толпа. Затем были дорога на родину и римский аэропорт Фьюмичино, где даже увеченные в «Сладкой жизни» фотографии — «папарацци», ожидавшие прилета Мадонны, в знак траура на минуту отложили в сторону свои камеры. Потом была панихида в здании столичной мэрии на Капитолийском холме, куда отдать последний долг Марчелло пришли более 15 тысяч человек. Я стоял в этой густой толпе и вспоминал дождливый ноябрьский день 1993 года, когда такая же бесконечная вереница людей устремилась к Пятому павильону знаменитой киностудии Чиночитта, чтобы попрощаться с Феллини. Декабрь 1996 года выдался солнечным и по-весеннему теплым, но было то же ощущение всеобщей потери и неутолимой грусти. «Италия потеряла своего выдающегося представителя, посла культуры, а люди — человека, которого они любили и которым восхищались», — заявил президент республики Оскар Луиджи Скальфаро.

София Лорен принесла на похороны букет орхидей, Анита Экберг прислала бедные розы, а Барбара и Кьяра положили отцу ярко-алые «рождественские звездочки». Плакала Моника Витти. Плакала София Лорен. «Со смертью Марчелло уходит часть моей молодости, уходит безвозвратно», — призналась она. И точно так же думали в этот момент многие, в основном немалые люди, собравшиеся 22 декабря на Капитолий. Но вот раздалась все та же волшебная мелодия из «Восьми с половиной» и гроб, украшенный тремя красными розами, отправился на старинное кладбище Верано.

Прощай, Марчелло! Я навсегда запомню, как мы стояли ночью у опустевшего Дворца кино на венецианском острове Лидо, и ты держал под мышкой синюю коробку с «Золотым львом» и привычно прятал от ветра в кулаке свою непременную сигарету. Теперь мы сможем увидеть тебя только на экране.

На следующем Каннском фестивале состоится премьера фильма Анны Марии Тато о Матростройни «Я помню». Он начинается замечательным эссе Марчелло о своей жизни, в котором, кстати, нашлось место и Чехову, и московскому снегу. Прочитайте эти строки и постарайтесь услышать в них неповторимый хрипловатый баритон Мастера.

Рим

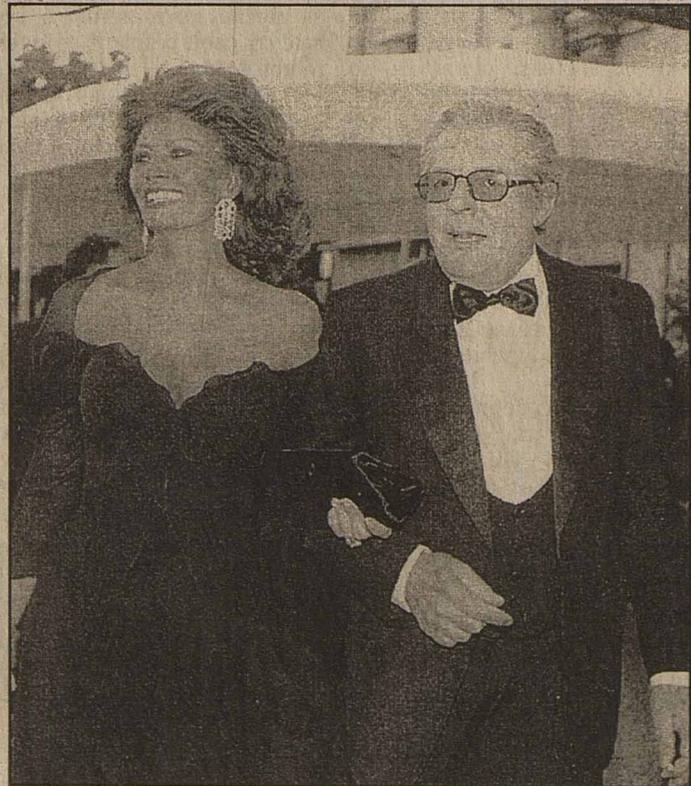
Я ПОМНЮ

«Случай управляет жизнью, а вовсе не мудрость...»

Марчелло Матростройни

Я ПОМНЮ большое дерево мушмулы. Помню изумление и очарование при виде небоскребов Нью-Йорка на Парк-авеню. Я помню ту алюминиевую сковородочку без ручки. Мама жарила нам на ней яичницу. Помню голос Рабальяти, который раздается из большого проигрывателя: «Тик-так. Что это стучит? Это часы сердца».

Я помню Кларка Гейбла, очень молодого, со спины. Потом он оборачивается и улыбается. Вот так. Неотразимо симпатичный негодяй. Что это был за фильм? Может быть, «Однажды ночью». Я помню столярную мастерскую моего деда и отца. Дед делает стул. Помню запах дерева. Помню военную форму немцев. Помню эвакуированных. Один раз, помню, мне приснилось, что я живу в дирижабле. Или это был космический корабль? Помню Уэлса, Сименона и Рея Брэдбери. Помню цветные иллюстрации из «Doménica del Coggiere» и из «Flash Gordon». Помню, как Феллини называл меня Снапорац. Помню мой первый турлагер. Помню Чехова, особенно его Солонго из «Трех сестер». Помню, как в первый раз я увидел горы и снег, и то чувство, что меня охватило. Помню музыку из «Stardust», это было перед войной. Я танцевал с девочкой, которая была одета в платье в цветочек. Я помню коней из старой рекламы пива «Regoni». Прекрасно помню вкус и запах горохового супа. И помню, как играли в лото в рождественскую ночь. Я помню страшный рев «berators», американских самолетов, которые впервые бомбили Рим. Помню, как первый человек прикоснулся к поверхности Луны, в замедленной съемке. А я-то где был тогда? Помню, как я посмотрел свой первый фильм, «Бен Гур», с Рамоном Новарро. Это

Марчелло Матростройни и София Лорен 8 мая 1995 года в Милане. Фото АП

было в Турине, мне было шесть лет.

Помню Париж, когда родилась моя дочь Кьяра. Помню рисовые биточки — суппли. Но покупать их каждый день было нельзя — они стоили 40 центезими. Я помню мою первую мужскую шляпу, модель «Саратогге». Помню комедии Чарли. Помню моего брата Руджеро. Помню, что Цицерон родился в 106 году до Р.Х., за 2029 лет до меня, но в двух шагах от моего дома в Арпино. Мой дед гордился этим. «Vitam regit fortuna, non

saripientia», — говорил он мне, цитируя нашего земляка. И потом вздыхал: «Да-да, это случай управляет жизнью, а вовсе не мудрость».

Я помню один летний вечер с ароматом дождя. Помню приключения Улисса, «этого человека с разносторонним интеллектом». Помню Кассуса Клея в нью-йоркском матче против Фрзера. Помню красивую, седую голову архитектора Ридольфи, моего учителя композиции и черчения. Помню первые рисунки моей дочери

Барбары. Помню мой проект: поднять Тибр, пустив его под одной из улиц.

Помню Грету Гарбо, которая смотрит на мои туфли и говорит: «Italian shoes?» Помню первую сигарету, которую я выкурил. Она была сделана, помню, из волосков кукурузного початка. Помню руки моего дяди Умберто, сильные, как клещи, руки скульптора. Помню тишину в ресторане «Ches Maxim», когда там появился Гарри Кутер в белом смокинге. Я помню маленький полустанок и шум поездов. Помню кассиршу из при вокзального бара. Она делала: «Дин-длин, дин-длин! Заказ!» Помню Мэрилин Монро. Первую машину, которая у меня была, помню. Это была «Topolino Giardinetta». Не знаю, почему я помню эту глупую считалку: «О, сколько прекрасных дочек у Мадонны Доре. О, сколько прекрасных дочек». Помню светячков, которых теперь уже не видно. Помню снег на Красной площади в Москве. Помню сон, в котором мне кто-то предлагает забрать мои воспоминания из родительского дома. Помню путешествие на поезде во время войны. Поезд входит в туннель, крошечная тьма, и в тишине незнакомка целует меня в губы.

Я помню курдов, убитых во время библейского исхода. Помню, что я не должен забывать насилия, множество образов абсолютного насилия. Помню также ощущение тишины и погашенных огней в Иерусалиме, все будто в мистической дымке. Я помню желание увидеть то, что будет с этим миром, что произойдет в 2000 году, и быть там, и помнить все, как старый слон. Да, насколько я помню, я всегда был любопытным, таким любопытным! И потом я помню, как мы ходили охотиться на ящериц. Моя рогатка! Помню первую ночь любви. Помню. Да, я помню.